Николай ЗИНОВЬЕВ
Ты запомни: я – милость…

В СТАРОМ ХРАМЕ
Как здесь торжественно-прохладно!..
Возносят Господу хвалу
И чуть дрожащий свет лампады,
И я, стоящий на полу.

Здесь крепкой кажется держава,
Не разорённой в пух и прах.
Здесь время крепостного права
Таится в сумрачных углах…

* * *
Третий день сосед не ест –
Изнасиловали дочку.
Вот и всё, я ставлю точку.
Или надо ставить крест
На всей этой несуразной
Жизни нашей безобразной,
Полной нечисти и мрака,
Хоть и нет такого знака?..

* * *
Игра закончилась ничьей,
И ты – ничья, и я – ничей,
Прошу тебя, как ровню,
Запомни свет моих очей,
А я твоих – запомню…

ДУША
Босиком, нескончаемым летом,
Несказанного счастья полна,
Между Ветхим
и Новым Заветом
Васильки собирает она,
Простирается в звёздные выси
И находит иголку в стогу…
И, конечно,
мне страшно от мысли,
Что её погубить я могу…

ДУШЕ
Не оставляй ответа на потом,
Скажи сейчас, ну, как ты не ослепла
В тот день,
когда Гоморру и Содом
Увидела воскресшими из пепла?..

* * *
Когда на исповедь несу
Свою истерзанную душу,
Я, вам признаюсь честно, трушу,
Что её этим не спасу.
Но всё ж рассудком человечьим
Я понимаю: больше нечем.

* * *
Что делать нам
с бессмертными стихами?
Николай Гумилёв

За свои и чужие грехи
Жребий наш предрешён небесами.
Сочинённые нами стихи
Что хотят, то и делают с нами.

Всё, что мы называем судьбой,
Тайным силам творится в угоду.
Даже мнимая власть над собой
На корню убивает свободу.

* * *
Настали злые времена,
Причём Вселенского размаха.
Не только, думаю, меня
Переполняет чувство страха.

Как слабы наши рамена,
Сердца испуганы, а лица
Белее стали, чем стена…
Настали злые времена –
Они научат нас молиться.

* * *
Сестре Ирине

Ты у окна стоишь, на плечи
Накинув старенькую шаль,
А за окном осенний вечер
И сиротеющая даль…

Ты не забыла как вчера,
Когда ты так же вдаль глядела,
Из детства майская пчела
В твои раздумья залетела?..

ПРИЗНАНИЕ
Вы ко мне не будьте слишком строги,
Признаюсь как истинный поэт:
Я всегда сильней любил рассвет,
Чем о нём рифмованные строки.

ТАЙНА
Мы с нею встретились случайно,
Но в предназначенный нам час,
Ведь всякий случай – это тайна,
Объединяющая нас.

Она доверчиво глядела
Из-под опущенных ресниц…
Над горизонтом то и дело
Мелькали сполохи зарниц…

Пусть в Лету кануло то лето –
Следов не видно на воде,
Но сердцем чувствую, что где-то
Мы снова встретимся. Но где?..

* * *
Придя сегодня в храм,
Вдруг понял я, убогий,
Как мало надо нам,
И как мы просим много.

Бог сам даст всё, что надо,
Покайся и молчи,
Как пламя у лампады,
Как пламя у свечи…

* * *
Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
А.Блок

Со времён ветхозаветных
В мировой ночи
Всех униженных и бедных
Грабят богачи.

Лишь единожды прервался
Этот мрачный круг
Ненадолго, но остался
В сердце правды дух.

И ещё больнее стало
Видеть, как в ночи
Снова бедных неустанно
Грабят богачи

* * *
Как можно не писать о грустном,
Когда один по вечерам
Гуляешь пересохшим руслом
Реки, в которой старый храм
В далёком детстве отражался…
Тот старый храм так и стоит,
Но отражаться ему не в чем,
И я, гуляя, каждый вечер
Его приветствую как друга,
Как друга детства моего…

* * *
Чтоб не отчаяться во всём
И оставаться, как и прежде,
Не худшим мужем и отцом,
Молюсь Всевышнему в надежде,
Что он услышит голос мой
И мне дарует силу духа…
Замок дверной вдруг щёлкнул сухо –
Жена и сын пришли домой…

* * *
Человек человеку – глад,
Человек человеку – мор,
Человек человеку – ад,
Человек человеку – вор,

Но пройдёт десять тысяч лет
Или день подведёт итог,
И откроется новый Свет:
Человек человеку – Бог.

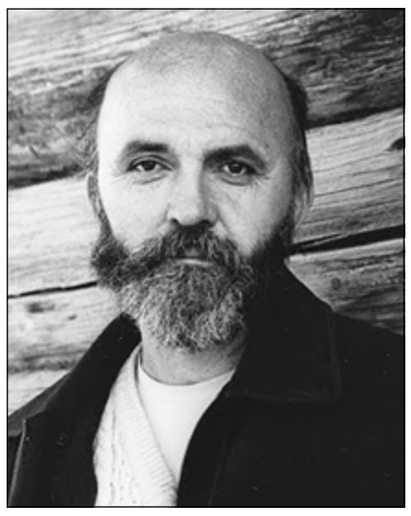
ОСЕНЬ 1967 ГОДА
Пахнет свежестью и дустом…
На колхозном огороде,
Где не убрана капуста,
Одинокий кто-то бродит.

Может быть, он ищет Бога,
Может быть, обычный вор.
Что гадать? В России много
Тех и этих с давних пор…

ВОЗВРАЩЕНИЕ
Я был в плену у тьмы и страха,
Но я бежал, и вот я – здесь,
И пусть в крови моя рубаха,
Душой остался цел я весь.

Вы не судите меня строго,
Уже хотя бы потому,
Что не заказана дорога
Туда, где был я, никому…

ДИАЛОГ
– Ты, душа, мне ни мать,
Ни жена и ни дочь,



Ни сестра. И понять,
Кто же ты, мне невмочь.

И душа говорит:
– Я тебя утомилась
Уже слушать, пиит.
Ты запомни: я – милость…

* * *
Как мы молоды были с тобою,
Будто в танце безумном кружились,
Но назвать наше чувство любовью
Почему-то так и не решились.

Я тебя провожал ненадолго –
Как тогда нам обоим казалось.
«Хорошо, что не верхняя полка», –
Ты сказала мне и засмеялась.

То, что было спасительно-важно,
Мы друг другу, увы, не сказали…
Сорок лет одиноко и страшно
Электричка кричит на вокзале…

* * *
Роняя тёплый дождик,
Плывут две тучки тощих
Куда-то вдаль за горизонт.

Но только дождь отропщет,
Вмиг радуга над рощей
Повиснет, как раскрытый зонт.

Все краски заблистают
И горести растают,
В душе родится новый стих.

А туч не станет видно,
И это так обидно,
Ведь всё случилось из-за них…

* * *
А вот стихи – не отраженье
Небес в реке, а горный сель:
В них и смещенье, и смешенье
Миров незыблемых досель.

О них никто не пишет лестно,
Пятно родимое – не брошь,
А бред – единственное место,
Куда не проникает ложь…

УТРО НА ХУТОРЕ
Рассвета крылья распростёрты,
Но неподвижны. Облака,
Собравшись в лёгкие эскорты,
Над степью замерли пока.

Всё не колышется, не дышит,
Но всё рванётся, запоёт
И заискрится, лишь услышит,
Как дед Арсений кашлянёт…

* * *
Хорошо быть молодым.
Ю.Мориц

Хорошо быть молодым,
Ещё лучше – им остаться,
Чудный возраст –
три по двадцать,
В голове всё тот же дым
Золотистого оттенка,
Только стала ныть коленка
Да Серёга Соколенко
Почему-то стал седым…

ГОРЬКИЙ ОПЫТ
Когда счастливым стану снова,
Я счастье спрячу в глубине,
Чтоб ни походкой и ни словом
Не выдать,
что оно во мне.

Казаться буду сиротливым,
Придётся даже, может, лгать,
Чтобы никто не мог узнать
То, что я снова стал счастливым…

---

* * *
Придумала тебя я так давно,
Что и сама об этом позабыла.
Дождями занавесила окно.
Душа в потёмках.
Разве я любила?
Когда во тьме, среди цветов и трав
Искала что? Оно меня таилось,
И месяц новоявленный был прав,
Скатившись в ночь.
И всё остановилось:
Река и речи, время… Наугад
Жила я в пустоте, о том не зная,
И если ты, найдя меня, не рад –
Тогда тебе я вовсе не родная.
Дождём весенним вымыто окно.
Так света много, ночи этой мало!
Придумала тебя я так давно,
Прости, что в первый миг
и не узнала.

* * *
Из реального времени
падаем в вечность иную,
В телефонных ветрах
чей-то шёпот бессонный браня.

* * *
Сияет ночь. Так почему я плачу?
Ум словно заколдован, даль пуста.
Возьму и завтра жизнь переиначу,
Начну сначала, с белого листа.
Пускай былинка я на чёрном поле,
И ветер вольный гнёт меня к земле,
Во времени, в его пустом расколе
Я вижу звёзды в сумеречной мгле.
И солнечного пламени отсветы
На листьях, и на зеркале реки,
И тайные, но верные приметы
Весны, идущей горю вопреки.
Сияет ночь над безмятежным лугом.
Душа обнажена, глаза сухи.
Пишу в тетрадь,
подаренную другом,
Любви моей печальные стихи…

* * *
Век кончился, а я и не заметила.
Отгоревала, да не по нему.
Осталась в жизни чёрная отметина,
Как знак беды, влекущая во тьму.
И сердце стало чутким к непогоде,
И к подлости незримой заодно.

* * *
Речами играть надоело,
Огнём – обожглась на лету.
Какое мне, собственно, дело
До дерева в белом цвету?
До облака, в небе молчащем,
До пламени в чьей-то крови?
В глухую забытую чащу
Зайти бы – зови не зови.
Стать ветреной, юной, беспечной,
Летать или жить средь травы,
И недруги в злобе извечной
Пусть будут на время правы.
Пусть сон успокоят метели,
Пусть засветло, словно родня,
Не самые лютые звери
Поселятся возле меня.
А после, под лёгкой порошей,
Внимая далёкой мольбе,
Позволь мне, позволь мне, хороший,
Не думать совсем о тебе.

* * *
Молчуньей стала. Не хочу
Ни говорить, ни петь.
Глаза закрою.

Наталья КОЖЕВНИКОВА
Я именинница апреля

Мы несёмся друг к другу,
отважно минуя
Все условности, страхи,
сомнения нового дня.
Мы, как узники в клетках,
закрытых от внешнего мира,
От любви, от бескрайности
майской степи,
Где ещё бесконечно бело,
и туманно, и сыро,
И весна из-под снега
вздыхает невнятно: «Терпи…».
Вслед ей голос твой тихий
во тьму оседает и тает,
Словно кто-то шутя
прерывает до времени связь.
Голубеет земля, и поёт,
и о чём-то мечтает,
Голубыми ручьями
на слёзы мои отзовясь.

* * *
Я именинница апреля.
И ночами,
Тайком от всех,
Привыкла слышать за плечами
Неясный смех,
Смятенный шёпот,
восклицанья,
ропот вешний…
И сквозь ладонь
Смотреть на солнечный,
нездешний,
Скупой огонь.
Он, вдохновенный, от всего,
что сердце точит,
От злобы дня,
От всех возможных одиночеств
Спасёт меня.

* * *
Любимый мой,
бреду я наугад
С душой смятённой:
где мой дом отныне?
Зачем крыжовник –
русский виноград –
Венок колючий мне
плетёт в унынье
И тень огня
соседствует с листвой?
Любимый мой,
прости мне нетерпенье,
Ещё в душе
лелею образ твой,
Ещё я слышу
ангельское пенье.
Но время умирает за спиной,
Как звёзды
в перевёрнутом бинокле,
А впереди небес
пустынный зной,
И сон без сна,
и чей-то слабый оклик.
Завоет ветер, ветки теребя,
В моём саду,
и я без слёз заплачу –
Как лодка на безводье, без тебя
Я в мире этом ничего не значу…

А где-то на Току, на тихом броде,
Блестит водой обласканное дно.
Зелёный мир,
разбуженный соблазнами,
Улыбчивый, там тянется к реке.
Вот так бы мне пожить
со всем согласною,
От берега того невдалеке!
А я гнету всё душу чьей-то дружбою,
И улыбаюсь тайному врагу,
Люблю, кого любить-то
и не нужно бы,
И ничего поделать не могу.

* * *
Моя память болит и болеть
перестанет нескоро.
Позади только ветер, дорога
да праздная пыль
Безымянной степи.
Ни надежды теперь, ни опоры
За спиной.
Я сама как ковыль
Распласталась на ровном,
не в силах доселе подняться.
Это ты, мой любимый,
мне волосы белые смял,
Долго гладил, ласкал,
так что стало обоим казаться –
Ты свою Галатею ваял…
Но покорная глина
в руках твоих грубых ломалась,
Ты в досаде
свою статуэтку живую разбил.
Ах, как женщина чья-то чужая
в восторге смеялась,
Выметая за дверь всё,
что ты молчаливо любил.
И теперь только небо
стоит надо мной безобманно,
С золотою серьгой,
с удивлёнными взорами звёзд.
А о прошлом напомнят
лишь чёрные дыры в тумане
От покинутых птицами гнёзд.

Зима похожа на свечу,
Оплаканную мною.
Я вместе с ней ушла в себя,
Забыла всё,
любовь свою забыла!
И ветер, ветки теребя,
Молчит о том, что было.
На речке лёд идёт ко дну,
Отжившее на белом свете тает.
О том, что любишь ты меня,
Никто и не узнает.

* * *
Вот и снова весна,
весела и капризна,
Мне стучится в окно,
вызывая на спор,
Что не так уж всё плохо
в безумной отчизне,
Что любовь безобманна
и жива до сих пор.
Выхожу на крыльцо:
отчего так тревожно?
Чем томится душа?
И сама не пойму.
В небе тёмные птицы
летят осторожно
И кричат о своём
в неоглядную тьму.
Пахнет ветром и вербой,
водой потаённой,
Кто-то дышит в ночи,
и когда я уйду,
Из-за облака выглянет
месяц влюблённый
И у всех на глазах
поцелует звезду.

* * *
Ночью проснусь –
оглушит тишина первородная,
Звёзды ушли,
только неба полоска светла.
Дикими травами
дышит межа огородная,
Слёзы роняет в обрыв голубая ветла.
Это же здесь,
под медовыми тёплыми соснами,
В сонную вечность
текла золотая вода.
Ночью короткой
на миг в остывающем космосе
Вспыхнула празднично
наша с тобою звезда.
Что это было?
Любовь? Или солнца затмение?
Свет невечерний,
стоящий и ночью в окне?
Сон невозможный…
Прощанье, прощенье, забвение
Сразу всего, что сияло и пело во мне…
Если однажды
из поезда дальнего, длинного,
Выйдешь, весёлый,
забытую встретишь ветлу –
Не упади вниз с обрыва,
того красноглинного,
Не простудись на весеннем,
высоком ветру.

РОВЕСНИЦЫ
Мои ровесницы красивы,
как много осеней назад,
как на траве густой – росинки,
как тронутый морозцем сад.

Они, как память моя, юны,
вином их душ я напоён,
они прямы, как будто руны
среди затейливых письмён.

Мне лгать не надо им. Бесценен
их дар любой, совет любой.
И с каждым прожитым мгновеньем
я проникаюсь их судьбой.

Ничто так быстро не проходит,
как молодость. И лишь они
напоминают мне про годы
любви – Господь их сохрани!

* * *
Банановая юбочка,
Индийский океан…
Куда ты едешь, Любочка?
Твои мечты – обман.

Ну, как из сердца вырваться,
шагнуть как за порог,
чтоб в жизни заковыристой
вовек не знать тревог?

И все твои усилия
избавиться от пут
соблазнов изобилия,
увы, напрасный труд.

Но ты, меня не слушая,
пакуешь чемодан.
Постой, другого случая
достичь далеких стран

не будет разве, милая?
И сможешь ли опять
свою судьбу постылую
на счастье поменять?

Ну что ж, дела все брошу я
и, хочешь или нет,
поеду жизнь хорошую
искать, хоть это бред.

Но бред, мечта, фантазия,
и грезы наяву –
мои Европа, Азия
и ты, кем я живу.

МЕДВЕДЬ-ШАТУН
Покуда смысла нет тебе лишаться сна,
укутанный со всех сторон
подкожным жиром,
ты сладко так сопишь,
ты в примиренье с миром,
и не нужны тебе ни звезды, ни весна.

Снега над головой, со всех сторон снега.
Но тёпел твой мирок от ровного дыханья,
и над сугробом сна –
лишь пара колыханье,
и нету над тобой ни друга, ни врага.

Но что-то, как сова,
взволнует сонный лес,
тебя разбудит вдруг неясная тревога,
и звезды хлынут вниз,
и вспыхнет вдруг берлога
серебряным костром
пронзивших наст небес.

Игорь ЕЛИСЕЕВ
Когда летит Пегас…

И встанешь ты тогда
во весь могучий рост
и, рев свой раскидав
по лесу как валежник,
пойдешь искать весну
среди деревьев снежных,
сбивая головой сосульки звонких звезд.

* * *
Белесый туман выплывает из лога,
Сквозь тучи сочится лучистая мякоть.
Мне видится здесь присутствие Бога,
И в грустном восторге
мне хочется плакать.

Мне хочется в рощах,
наполненных светом,
Бродить, не ругаясь ни с кем и не споря,
Что мир этот создан великим поэтом
И нет в нем ни капельки мрака и горя.

Лишь с этих высот –
мира светлых окраин,
Где суть постигается жизни и тлена,
Я к вам возвращусь, примирен и раскаян,
Молясь о прощении нощно и денно.

И если меня вы услышите прежде,
Чем я отвлекусь на иные молитвы,
Поймете, что жил я все время в надежде
На то, что окончатся вечные битвы

Меж небом и адом,
меж правдой и ложью,
Что некогда нас в этой жизни венчали,
И каждому будет по милости Божьей
Отпущено в меру любви и печали.

* * *
Если это любовь – эти редкие встречи,
нежелание знать, где сейчас ты и с кем
смотришь в небо,
ведешь бесконечные речи
о любви и о вечности, – значит, я нем.

Если это любовь –
ждать упорно, кто первый
позвонит и поделится мыслями вслух,
как гудят, исходя напряжением, нервы
от безжалостной ревности, –
значит, я глух.

Если это любовь – затаиться в ухмылке
и смотреть, как влюбленный
в обиде нелеп,
как смешон его взгляд,
и смущенный и пылкий,
видеть страх и надежду
в нем, – значит, я слеп.

Неужели и ты, как и все, вероломна,
и с тобою не сладят ни ангел, ни черт,
если смотришь мне в сердце
из пропасти темной
и ни искры в глазах твоих? –
Значит, я мертв.

* * *
Еще как будто и не выпит
цветущей липы дивный запах,
еще я вроде и не выбит
из колеи своей, и все ж
так мало мир меня тревожит
на всех его крутых этапах,
и каждый миг, что мною прожит,
не вызывает больше дрожь.

Дрожь не боязни – сладострастья,
когда я песню пел за песней
и задыхался – не от счастья, –
от веры в то, что есть оно,
и ты была такой запретной,
такой невинной и прелестной,
какой уже мне в жизни этой
тебя увидеть не дано.

Все те, кого мы так любили,
кто в нас влюблен был изначально,
полузабыты нами или
забыли нас, как бег минут.
И потому тебя люблю я
с такою мукой и печалью,
что Леты призрачные струи
во мне давно уже текут.

* * *
У вас так принято: когда летит Пегас,
Бить из двустволки по нему дуплетом.
А кровью исходить,
но песни петь при этом
О жизни и любви – так принято у нас.

У вас так принято:
и в свой последний час
Мстить, злобой исходя,
своим родным и близким.
А помогать, хоть и чужим, хоть с риском
Нешуточным, – так принято у нас.

У вас так принято:
когда в душе погас
Огонь любви,
плодить вокруг химеры.
А поиски любви, надежды, веры
Вести всю жизнь – так принято у нас.

У вас так принято:
в правдивости клянясь,
Лгать перед Богом всем напропалую.
А истину – мучительную, злую –
Высказывать – так принято у нас.

У вас так принято:
взяв приступом Парнас,
Путь преграждать туда другим поэтам.
А с Богом шествовать
на равных и при этом
Всех привечать – так принято у нас.

У вас так принято:
слать на любовь заказ
И ею час в неделю наслаждаться.
А мучаясь, полжизни дожидаться
Любви навек – так принято у нас.

Но все, что принято у вас или у нас,
Исчезло, ставши мукой и обманом,
Чтоб засиял на пальце безымянном
Фламандский, мной
подаренный, алмаз.

* * *
И.Е.

Явилась ты – и сгинул смерти страх,
я понял: песня жизни не допета…
Ты хрупкая, как тишина в горах,
Ты тонкая, как первый луч рассвета.

Как ветерок, легка твоя рука,
Не чувствуя ее в своей – недужу.
Как ручеек, текущий с ледника,
Питаешь ты иссушенную душу.

Я нежные тебе шепчу слова
Любви, надежды, веры и участья,
В тебе я вижу образ божества
И плачу от невысказанной страсти.

И все свои оставшиеся дни
Самозабвенно я молиться буду:
«Господь, мою любимую храни,
Позволь в ее судьбе случиться чуду!».

И верую, как некий прозелит,
Почуявший
к всевластью принадлежность:
Твоя любовь мою любовь простит
За эту неожиданную нежность.

ПОЭТ
Пусть этот мир несовершенен,
Пускай он – суета сует,
Пусть ото всех твоих свершений
Останется лишь звездный свет –

Не сетуй. Это – словно миру
В глаза швырнуть песка щепоть.
Твою пророческую лиру
Тебе дал в руки сам Господь.

Ни ненависти, ни боязни
Отныне знать не должен ты.
Вся жизнь твоя – безумный праздник,
Соитье славы и тщеты.

Толпе неведомо паренье
Над бездной истины. Истец
Не ты, но люди все – творенье
Твое, и ты – их душ творец.